

– Другим гладиаторам прислуживает Мария, – говорит Аурус, останавливаясь напротив Эммы и осматривая ее так, будто еще не насмотрелся. – Но ты у нас особенная. Пусть и помощница твоя будет особенной.

Он смеется над своей не слишком смешной шуткой и громко хлопает в ладоши. Эмма вздрагивает от неприятного звука: сейчас все звуки кажутся ей неприятными. Ее снова начинает мутить, все, чего она хочет, это лечь и не двигаться. Но вот в комнату заходит Робин, а с ним женщина. Она одета в длинную светлую, на талии скрепленную поясом, тунику со множеством складок. Женщина невысока и довольно изящна, у нее черные волосы, заплетенные в косу, и карие глаза с вежливой отстраненностью в них. Высокие скулы и пухлые губы выдают в ней уроженку южных стран. Женщина мельком смотрит на Эмму и тут же склоняется в поклоне перед Аурусом. Тот радостно произносит что-то на своем языке, потом, видимо, вспомнив, что его не все понимают, переходит на северное наречие, обращаясь к Эмме:

– Регина поможет тебе вымыться. Не противься – я люблю чистые тела.

Эмму передергивает дважды: второй раз, когда она видит, что ни Робин, ни рабыня Регина никак не реагируют на отвратительное замечание Ауруса. Может быть, они привыкли? В деревне Эммы такие слова расценили бы как попытку уложить женщину в постель.

– Ступайте же! – Аурус снова хлопает в ладоши. – Я отдам распоряжение подготовить для тебя комнату, Эмма. Регина, ты отведи Эмму в свою комнату для омовений.

Робин помогает Эмме подняться, а Регина равнодушно наблюдает за этим, не выказывая никакого рвения. В какой-то момент Эмма думает, что Регина немая. Не то чтобы с ней хотелось поболтать.

Робин придерживает Эмму под руку, пока она старается не слишком сильно наступать на больную ногу. Они идут по галерее – Регина впереди, Робин с Эммой сзади, – и повсюду расставлены большие вазы, в которых курятся благовония. От их обилия у Эммы начинается кружиться голова, и она неподдельно счастлива, когда выходит, наконец, на открытое пространство и вдыхает воздух полной грудью: воздух, который не пахнет дерьмом.

Регина не останавливается, Робин тоже, у Эммы почти нет времени, чтобы передохнуть, и она пытается отвлечься, оглядываясь по сторонам. Босые ноги ступают по прохладному жесткому песку. Судя по всему, они на тренировочной площадке: в центре ее вбит высокий и толстый деревянный столб, возле которого сражаются на коротких мечях два юных щуплых гладиатора. Чуть поодаль стоят еще трое, с удивленным любопытством глядящие на процессию. Кто-то проходит мимо, не поднимая головы.

– Слева у нас кухня, – тихо рассказывает Робин, очевидно думая, что Эмму заботит расположение помещений. – Там, откуда мы пришли, располагаются комнаты гладиаторов, но новичков держат в другом месте.

Держат... Словно про животных говорит.

Эмма сжимает губы, чтобы ненароком не проронить ни единого звука. Она не хочет разговаривать, вот только Робин этого не понимает.

- Нас хорошо кормят. И Студий хороший лекарь. Ты быстро поправишься.

А еще он думает, что Эмма рвется на арену. Может быть, судит по себе.

Регина, задающая темп, по-прежнему не оборачивается и не говорит ни слова. Эмме кажется, что от нее исходят волны презрения. Кого она увидела в женщине, которую хозяин приказал ей вымыть? Может быть, свою соперницу? Робин не рассказал ей, кто такая Эмма? На каком Регина положении в лудусе? Судя по услышанному от Ауруса, гладиаторов она не обслуживает. Личный раб? Но, вроде бы, Робин говорил, что это не очень хорошее место. Да и все они тут рабы – так или иначе. Так почему же Регина ведет себя так, будто выше всех остальных?

Миновав еще одну галерею, помещения которой на этот раз все занавешены, Эмма оказывается в купальне. Там тоже воскурятся благовония, и к этому уже можно было бы привыкнуть, но запах слишком резкий, слишком мощный. Чувствуется сосновая смола. Эмма старается дышать не полной грудью, однако это мало помогает. Возле небольшого бассейна, от воды в котором поднимается ленивый пар, стоит еще одна рабыня с миловидным открытым лицом. Длинные волосы не скрывают слегка оттопыренные уши, а зеленые глаза сияют на пол лица. У нее низкие пышные бедра, и она также сильно не похожа на римлянку, как и Регина, а Робин, назвав ее по имени, лишь подтверждает догадку Эммы:

- Мария, ты можешь идти. Регина справится сама.

Мария – иудейка. В облике ее читается кротость и покорность. Она улыбается и склоняет голову, затем, поддерживая тунику, покидает купальню, скользнув любопытным взглядом по едва держащейся на ногах Эмме. Регина молча принимается собирать какие-то горшочки.

Робин отпускает руку Эммы.

- За тобой придут, – обещает он, – когда Регина закончит.

- А Регина умеет разговаривать сама? – бурчит Эмма так, чтобы никто ее не услышал. Разговоры все еще не столь важны ей, как возможность лечь и расслабиться.

Робин действительно не слышит – или делает вид – и уходит, заботливо опустив занавесь в дверном проеме. Эмма остается стоять рядом с бассейном. Она абсолютно не понимает, что нужно делать, а Регина не спешит как-то помогать ей или давать указания. Запах от курилен становится все отчетливее, Эмме кажется, что она начинает различать горьковатый аромат.

Что это может быть? В момент, когда она принюхивается тщательнее, Регина подходит ближе и, по-прежнему не говоря ни слова, протягивает руки к набедренной повязке. Эмма пугается и пятится. Регина стоит на месте, и только брови ее ползут вверх. Она явно недоумевает над желанием Эммы мыться в одежде.

– Я сама, – выдыхает Эмма, которую за этот день уже касалось слишком большое количество людей. Она торопливо развязывает повязку на груди, мгновение медлит и позволяет ткани упасть на пол. Она давно не стесняется наготы, в их деревне нет табу на голое тело, но это Тускул. Это Рим. Слава о его развращенности витает в воздухе, и Эмма, не вспоминая об этом, теперь не может отделаться от мысли, что на нее станут смотреть. Видимо, она слишком затягивает время, потому что Регина подходит и нетерпеливо берется за набедренную повязку, не обращая внимания на слабый возглас протеста. Пальцы быстро разматывают ткань, вот уже Эмма остается полностью обнаженной – за исключением обвязанной ноги. И мысль о ней немного отвлекает от пусть равнодушного, но чужого взгляда.

– Как же мне мыться? – растерянно спрашивает Эмма, познаний которых хватает для того, чтобы понять: рану мочить нельзя, тем более, если ее недавно обработали. Регина поджимает губы, отходит и демонстрирует какой-то маленький горшочек и чистое тряпье, из чего Эмма делает два вывода: первый – ногу ей промоют и замотают снова, и второй – Регина все же немая. Иначе что ей мешает говорить?

От горячей воды в купальне продолжает идти пар. Регина жестом велит Эмме усесться на краю и, встав на колени, очень осторожно избавляется от повязки, наложенной Студием. Эмма с тревогой смотрит вниз. Порез выглядит воспаленным, однако не безобразным. Шрам останется, но мало ли таких шрамов по телу? Эмма невольно касается пальцами самого большого, на животе: еще в детстве она неудачно упала, задев отцовский меч, распоровший ее. Знахарка тогда долго не обещала ничего отцу и матери, говорила молиться богам, пока Эмма не пошла на поправку. Вот с того момента отец и взялся обучить Эмму искусству владения мечом.

Эмма поднимает голову и видит, что Регина с интересом смотрит на нее. Хочет спросить о шраме?

– Старый, – говорит Эмма с легкой гордостью. – Было совсем не больно. Это произошло случайно.

Она не знает, зачем делится такими подробностями. Может быть, потому что Регина тоже женщина. А может быть, немного полегчало, и появилось желание поговорить.

Выражение лица Регины становится пренебрежительным, будто она жалеет о том, что спросила. Она отворачивается, пробует рукой воду и кивает, как бы говоря, что можно. Эмма глубоко вздыхает и опускает ноги в приятную теплоту, затем соскальзывает вниз полностью. В бассейне неглубоко. Отец рассказывал ей об устройстве римских ванн, говорил, что вода туда поступает по системе труб. Интересно, откуда он все это знал? Наверное, от того старика, что жил по соседству: в молодости он много где побывал, было чем поделиться.

Пока Эмма привыкает к температуре и к тому, что рану слегка пощипывает, Регина ходит вокруг купальни и подбрасывает туда какие-то травы, а после выливает масло из большого кувшина. Эмма не уверена, что ей это пойдет на пользу, но спорить не берется. Она гадает, полезет ли Регина тоже в купальню, чтобы вымыть ее, но Регина ограничивается тем, что поддергивает тунику, садится рядом с Эммой, опускает ноги и, зачерпнув немного масла из кувшина – уже другого, – принимается массировать плечи Эммы. От прикосновений та поначалу вздрагивает, но затем расслабляется. Кроме того, масло пахнет чем-то цветочным, и это приятный аромат, мешающий настроиться на воинственный лад. В какой-то момент Эмма даже забывает, где и в каком статусе находится. Она не в клетке, у нее не скованы руки, почти не болит нога, и рабыня моет ее. Дома она такого бы не получила, у них нет рабов. И купален нет – моются все вместе раз в неделю, ничего больше.

<http://erolate.com/book/1136/29492>